

ОЛЬГА НИКИТИНА

Журналист

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ БАЯРЫ АРУТЮНОВОЙ

Имя Баяры Арутюновны Арутюновой-Манусевич, послевоенной эмигрантки из СССР, профессора Гарвардского университета российские читатели впервые прочли в 2013 году на обложке книги её воспоминаний «Недавно прошедшее» (М.: Русский путь). О книге и символике заголовка будет ниже. Но миру лингвистики и славистики она становится известной гораздо раньше, с 1960-х годов, исследованиями о В. Маяковском, Б. Пастернаке, а так же, как автор книги «Lives in letters. Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence» (Slavic Publishers, Inc). Она вышла в 1994 году на английском языке в США, но не осталась незамеченной также и русскоязычными исследователями биографии и творчества княгини Зинаиды Волконской. Первым отозвался на книгу Константин Маркович Азадовский: «Великолепная, нужная и „качественно“ исполненная работа! Мне жаль, что нам мало удалось пообщаться, когда я был в Ваших краях, — иначе я рассказал бы Вам о своём многолетнем интересе к А. И. Тургеневу, его дневникам, которые я долгое время штудировал в Рукописном отделе Пушкинского Дома, об осуществлённых и задуманных публикациях. Кое-что из итальянского дневника Тургенева могло бы Вам пригодиться при подготовке писем к Волконской. Хотя и так всё отлично».

В 2013 году Баяра Арутюновна вместе со своей неизменной помощницей и другом Аллой Каримовной Мынбаевой приступили к переводу

книги на русский язык, в русской версии она имеет название «Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты». В 2016 году рукопись была подготовлена к печати, и книга скоро станет доступной читателям. В этом номере альманаха публикуется сокращённый вариант одной из её глав — «Пятнадцать писем царя Александра I княгине Зинаиде Волконской», а также царские автографы, малоизвестные фотографии Волконской и членов её семьи из гарвардского архива библиотеки Хоттон.

Заняться изучением этого архива Баяру убедил профессор Роман Осипович Якобсон, ознакомившийся с ним ещё в Риме, задолго до передачи его в Гарвард. Сейчас архив в гарвардской библиотеке, он открыт для всех исследователей. «Открыла» его именно Баяра. Через её тёплое участие познакомились с неизвестными ранее материалами многие русские исследователи.

Первоначально Баяра намеревалась поместить все материалы Волконской в один том, т. е. ограничиться одной книгой о «жизни в письмах». Но в процессе работы стало очевидным, что в первый сборник лучше собрать наиболее интересные письма, вследствие большого разнообразия корреспондентов, событий и мест. Во втором томе, кроме всего прочего, предполагалось рассмотреть работы княгини Зинаиды в разных областях, а также поместить посвящённые ей неопубликованные литературные произведения современников, среди которых не только русские, но и французские и итальянские писатели. Второй том по ряду причин остался лишь в планах, как и некоторые другие интересные замыслы, в том числе и публикация писем В. Маяковского к Т. Яковлевой. Главным препятствием стали перенесённые операции и инсульт, в результате чего Баяра оказалась почти обездвиженной и потеряла надежду на продолжение исследовательской деятельности.

Причиной инсульта стали долгожданные, но нерадостные вести из прошлой жизни о судьбе исчезнувших в 1937 году отца Баяры — Арута Арутюнова, и её первого мужа, преподавателя русской литературы Ростовского педагогического института Георгия Гаевского. Печальные вести прислала Мариэтта Омаровна Чудакова, друг Баяры, известный учёный-литературовед и критик, автор фундаментальной монографии «Жизнеописание Михаила Булгакова». С 1994 по 2000 годы Чудакова работала в составе Президентского совета и была также членом комиссии по вопросам помилования при президенте России. Она сумела использовать краткое время доступности архивов НКВД в 1996 году. В письме, сопровождающем пакет этих страшных документов, Чудакова, понимая, что такое чтение не может пройти бесследно для Баяры, умоляла её сохранять по возможности спокойствие: «Ваш отец не желал бы никак ухудшения Вашего состояния от чтения его дела». Но присланные документы заставили с огромным напряжением всё пережить заново, погрузили в трагическое непрощедшее

прошлое, где прекрасное время и человеческая жизнь были безжалостно и нелепо уничтожены...

* * *

Мама Баяры, Христина Артемьевна, была дочерью купца первой гильдии, который имел собственное дело «Артемий Яблоков и сыновья», основанное ещё его дедом, за которое тот получил дворянское звание. Состоятельная и русифицированная семья, свободная от «домостроевских» традиций, воспитывала дочь на европейский манер: гимназия в Ростове-на-Дону, высшие женские курсы Герье в Москве. По окончании курсов Христина уехала в Париж, где и встретила будущего мужа Арута Арутюняна, который к тому времени окончил там же Политехнический институт. Христина и Арут поженились и вернулись в Россию. 1 ноября 1916 года в Ростове-на-Дону у них родилась дочь Баяра. Родители старались уберечь дочь от влияния советской школы, начальное образование она получила дома.

В 1935 году Баяра поступила на литературный факультет Ростовского педагогического института, который окончила с отличием. Среди преподавателей были выдающиеся люди: профессор Николай Николаевич Сретенский, специалист по западной литературе, Георгий Клавдиевич Гаевский, специалист по русской литературе XIX века, большой знаток пушкинского периода.

Безоблачная юность закончилась 9 октября 1937 года, в день ареста отца... И вот теперь, 59 лет спустя, из протокола допроса, присланного Чудаковой, Баяра узнаёт, что пережил её отец и как он погиб. Отцу инкриминировали, кроме всего прочего, диверсионную деятельность. Основание — встречи с родственниками во время служебной командировки в Германию и Францию в 1929 году. В итоге А. Арутюнян был обвинён в активном участии в антисоветской диверсионно-террористической троцкистской организации, действовавшей в Управлении коммунального хозяйства Азово-Черноморского края. На этом основании Военная Коллегия Верховного Суда приговорила Арутюна Арутюняна к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 3 июня 1938 года.

В 1937 году, спустя полгода после ареста отца, не избежала той же участи и жена «врага народа» — мама Баяры. Ей повезло, её освободили спустя девять месяцев. Но когда, неожиданно освободившись, она пришла к родной двери и постучала в неё, то дочь, открывшая дверь, едва узнала маму. Статная женщина превратилась в измождённую, сгорбленную старушку. А в конце февраля 1941 года по обвинению в принадлежности к троцкистско-сапроновской группировке был арестован муж Баяры, бывший её преподаватель Георгий Гаевский. Он был расстрелян 23 мая 1941 года.

В 1939 году Баяра окончила Ростовский педагогический институт по специальности «русский язык и литература». В 1940 году она была

Б. Арутюнова в год выхода в отставку. Гарвард. 1986/87 г.

Семья Арутюнян на отдыхе в Ялте. 1926 г.

зачислена в аспирантуру по кафедре языкознания. В течение последующих двух лет она написала диссертацию на тему «Лексика и этимология „Русской Правды“». Защита диссертации помешала война. Начиная с 1941 года до начала августа 1942 года, т. е. до оккупации Ростова, она работала ассистентом на кафедре русского языка Ростовского педагогического института, где преподавала курс по истории русского языка XIX века и вела практические занятия по церковнославянскому языку со студентами первого и второго курсов.

Когда город был оккупирован, Баяра, уже думавшая об эмиграции, неожиданно получила возможность выехать из Ростова и позднее перебраться в Германию. В начале 1945 года Баяра добралась до Берлина, забрала живущую там маму и уехала в Мюнхен.

Там она сотрудничала в русском журнале «Литературный современник» (основал Н. А. Троицкий), а также преподавала русский язык детям в лагере для перемещённых лиц (ДиПи). Но в Европе оставаться стало небезопасно, и Баяра начинает хлопоты по переезду в США, в надежде продолжить прерванное образование, поступить в аспирантуру. В декабре 1952 года её мечта осуществилась.

«В первые дни, — пишет она в своих воспоминаниях, — я окунулась в жизнь огромного незнакомого города: бродила по улицам, ходила по музеям. Всё было внове. 6 марта 1953 года я позвонила из уличной будки по телефону, данному мне С., и услышала голос секретаря: „Поздравляю, Вы получили стипендию“... Теперь надо было выбрать университет для прохождения аспирантуры. Я колебалась между Колумбийским и Гарвардским. В Гарварде, как мне было известно, преподавали крупнейшие учёные того времени: Роман Осипович Якобсон и Михаил Михайлович Карпович. После телефонного разговора с профессором Якобсоном я получила

приглашение на интервью! Результат был положительным: с осени 1953 года я начала заниматься в аспирантуре Гарварда. Моим научным руководителем стал Р. О. Якобсон, крупнейший лингвист современности. Под его руководством я написала диссертацию по лингвистическим проблемам современного русского языка.

В Америку я приехала с довольно слабым английским, но ко времени защиты диссертации, написанной на английском, весной 1958 года уже не испытывала трудностей ни в письменной, ни в устной речи. Ещё учась в аспирантуре, я получила назначение младшим преподавателем (teaching fellow) в департамент славянских языков и литературы, а после защиты меня пригласили преподавать в качестве лектора (lecturer). В 1962 году я получила постоянный контракт (tenure) как лектор, а позже стала „senior lecturer“. В те времена женщины были сильно ограничены в правах в таком сугубо „мужском“ университете, как Гарвард. В факультетском клубе для них существовал даже отдельный вход. Я стала первой женщиной в Гарварде, получившей постоянный контракт. Отрадно было узнать, что в наши дни Президентом Гарварда стала женщина, Дрю Фауст».

Переселившись в США, Баяра начала хлопотать о возможности переезда к ней мамы. Это произошло не сразу, но стало возможным благодаря сердечному участию друзей, а также неравнодушных людей, в том числе политических деятелей США. 5 декабря 1955 года Александра Львовна Толстая, президент Толстовского Фонда, обратилась «ко всем, кого это касается», с просьбой помочь Христине Арутюнян воссоединиться с дочерью, её единственной родственницей. «Мы уверены, что дочь обеспечит ей необходимый уход и никогда не позволит обращаться к государству за помощью. <...> С гуманитарной точки зрения мы рассматриваем этот случай как истинно патетический и надеемся, что найдётся подходящий путь помочь пожилой женщине провести последние годы её жизни с её единственной дочерью».

В то же время Баяра обратилась с письмом к сенатору от Массачусетса Джону Кеннеди с просьбой помочь маме получить право на постоянное проживание в США, изложив все трудности жизни, начиная с 1937 года. Реакция Кеннеди была положительной: документ, представленный им в Сенат США относительно статуса Христины Арутюнян, был одобрен 13 июня 1956 года. В архиве Баяры сохранилась телеграмма Кеннеди от 25 июля 1956 года, в которой он извещает её об одобрении Конгрессом США представленного им документа о статусе Христины Арутюнян. Хождения по мукам наконец закончились, и началось прекрасное гарвардское время. Мама прожила с Баярой ещё много спокойных и счастливых лет. Баяра обрела личное счастье в замужестве с известным музыкантом и дирижёром Виктором Яковлевичем Манусевичем, с которым познакомилась на лекциях в Гарварде.

В 1996 году в Гарварде отмечали 100-летие учебных программ по славянским языкам и литературам. Начало их преподаванию положил в 1896 году Лео Винер (1862–1939), молодой эмигрант из польского города Белосток (тогда Российская империя). По рекомендации Арчибалда Кулиджа (1866–1928) он был приглашён в качестве преподавателя русского, польского и церковнославянского языков. Это событие со временем привело к созданию в Гарварде признанного центра славянских исследований.

Профессор истории А. Кулидж заложил основу богатой славянской коллекции книг и музейных экспонатов. Л. Винер, помогавший А. Кулиджу каталогизировать первые тысячи славянских книг, произвёл на него большое впечатление своим знанием языков (он свободно владел тридцатью языками!), эрудицией и энтузиазмом преподавателя. При этом зарплату Винеру на протяжении нескольких лет выплачивали из своих денег Кулидж и его брат. В 1902–1903 годах Винер составил двухтомную антологию русской литературы на английском языке. Английское издание двадцати четырёхтомного собрания сочинений Л. Н. Толстого (1904) Винер отредактировал в течение двух лет (1904–1905). Винер вышел в отставку в 1930 году.

Блестящий ученик Винера Самюэл Кросс (1891–1946) успешно продолжил его начинания и в 1933 году ввёл преподавание сербско-хорватского и чешского языков. Между 1935 и 1940 годами был введён курс по А. С. Пушкину; с этого времени начала формироваться дисциплина «сравнительное литературоведение». Первым лектором по английскому и русскому литературоведению был Эрнест Симмонс (1903–1972). Преподавание украинского языка было введено в 1939–1940 годах.

Безвременная кончина С. Кросса в 1946 году осложнила развитие славянских исследований. Положение улучшилось с приглашением специалиста по сравнительному литературоведению Ренато Поджоли (Renato Poggioli; 1907–1963), бежавшего из фашистской Италии. В 1947 году он начал читать исключительно популярный курс по Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому (студенты шутили называли курс «толстоевским»).

Осенью 1948 года профессором русской истории был назначен Михаил Михайлович Карпович. Деятельность М. Карповича в Гарварде стимулировала небывалый расцвет славистики. Он уговорил Романа Осиповича Якобсона перейти из Колумбийского университета в Гарвард. Р. Якобсон «взял с собой» четырнадцать аспирантов. По его инициативе Гарвардский университет пригласил также Дмитрия Ивановича Чижевского.

Началась «золотая эра» славистики в Гарварде и в США, продолжавшаяся несколько десятилетий. Возле М. Карповича и Р. Якобсона в Гарварде появилось много замечательных учёных, среди них — В. М. Сечкарёв, К. Ф. Тарановский, Д. И. Чижевский, В. М. Вайнтрауб. Баяра оказалась

в Гарварде именно в это время, когда блестящая плеяда учёных и преподавателей вступила в лучшую пору своей деятельности.

В книге воспоминаний, о которой говорилось в самом начале, — «Недавно прошедшее» — есть глава о гарвардских учителях, но самый большой очерк посвящён, конечно же, Роману Якобсону (1896–1982), знаку и символу и даже мифу своего времени. Более семидесяти лет он создавал науку о языке и его функциях, оставив огромное научное наследие исключительной важности. Он расширил границы науки о языке и уточнил функции составляющих её дисциплин. Его работы по поэтике, истории литературы, языкознанию, фольклору, психолингвистике и теории знаков (семиотике) общеизвестны. С его именем неразрывно связано основное направление в лингвистике XX века — структурный анализ языка.

Баяра вспоминает: «...под его руководством я написала диссертацию на тему „Лингвистические и стилистические проблемы порядка слов в современном русском языке“. Постоянное общение с учёным такого масштаба способствовало моему дальнейшему формированию и обогатило мою личность. Под его влиянием я обратилась к изучению раннего Маяковского (статья „‘Давно прошедшее’ Маяковского“. 1973). Интерес Якобсона к творчеству раннего Б. Пастернака также повлиял на моё обращение к разным аспектам его поэзии в таких работах, как: „Земля и небо. Наблюдения над категориями пространства и времени в ранней лирике Пастернака“ (1979); „Звук как тематический мотив в поэтической системе Пастернака“ (1989); „Мотив памяти в поэзии Бориса Пастернака“ (1990); „Образы пернатых в поэтике Пастернака“ (1990). Наша с Якобсоном

Р. О. Якобсон на лекции. Гарвардский университет. Фото начала 1950-х гг.
Архив М. Флайера

совместная статья „Неизвестная альбомная страница, написанная Николаем Гоголем“, вышла в *Harvard Library Bulletin* (1972).

Интерес к семиотике также пришёл от Якобсона. Результат: статья „Жест и слово. Семиотический анализ русских фразеологических выражений и поговорок“ (1979). Якобсона можно считать учёным, заново открывшим семиотику... Роман Осипович привил мне интерес и к фольклору. В моей статье „Пословицы абсурда: поиски правды в русских пословицах и фразеологических оборотах“ (1995) я исходила из представления Якобсона о пословицах как о самых крупных закодированных единицах устной речи и, одновременно, самых сжатых поэтических текстах».

Р. Якобсон, обладавший, ко всему прочему, невероятным чувством юмора, умением ко многому относиться весьма неординарно, удивил Баяра тем, что предложил ей изменить фамилию, как только настало время первой публикации. На его взгляд, «русский филолог», а Баяра, по его словам, была русским филологом, не может носить фамилию Арутюнян, фамилия должна звучать по-русски: Арутюнова. Он сделал ей это предложение настолько убедительно, что Баяра приняла его без всяких сомнений. А когда закончится срок жизни этого весёлого, не желавшего стариться человека, на памятнике, согласно его завещанию, а вернее, настоянию, друзья напишут: Roman Jakobson. Moscow 1896 — Cambridge 1982. Russkij filolog.

В августе 1964 года в Москве собрался Всемирный конгресс этнографических и антропологических наук — событие неординарное и невиданное. Ожидался приезд Якобсона. Его выступление в Москве описано многократно и ярко, но Баяра приводит впечатление студента МГУ, ныне переводчика, её друга и редактора первой книги Александра Грибанова, который был просто ошеломлён: «Я не помню, глядел ли Якобсон в свои заметки или говорил „без бумажки“. У меня осталось твёрдое ощущение, что весь доклад был сплошной и совершенно виртуозной импровизацией... Имена славянских и индоевропейских богов лились водопадом. Сакральная номенклатура и фонетические процессы её развития на самых разных древних языках упоминались в таком ритме, что — невольно — приходила на ум мандельштамовская фраза об „упоминательной клавиатуре“. Он не оставил нам иного выбора: либо ковыряться в своей не такой уж богатой филологической памяти, либо следовать безоглядно за ним — в этот водоворот широчайшей гуманитарной образованности.

Топонимика чуть не всего евразийского материка подкрепляла данные этимологии; сведения из средневековых текстов помогали ему реконструировать у нас на глазах формулы и даже сюжеты древнейших ритуалов. Чем дальше, тем больше это выступление напоминало шаманское действо, если представить себе шамана, разыгрывающего филологическую мистерию. Якобсон источал какое-то феноменальное напряжение, как будто речь шла не о тонкостях фонетических и иных реконструкций,

а о проблемах жизни и смерти. Болгарская бабочка громом переключалась с Перуном в заклинаниях дождя. Имя славянского Сварога отзывалось в кашубских и чешских названиях гор. Изречения „Повести временных лет“ подтверждались исследованиями Мейе и Дюмезиля. Перун обрастал семейством и встраивался в длинную цепочку богов-предшественников. И всё это мыслимое и немыслимое богатство щедро бросал в аудиторию худой человек, напоминая лицом какую-то экзотическую сказочную птицу. Там, где слушатели, в основном, привыкли к тепловатой температуре официальных научных дебатов, бушевал темперамент, напомнивший нам об отчаянных спорах в гуманитарной среде 1910-х и 1920-х годов... Якобсон говорил приблизительно вдвое дольше положенных двадцати-двадцати пяти минут. Все слушали как замороженные. <...> Я совершенно не помню, было ли потом какое-то обсуждение доклада. <...> В памяти настойчиво держалась строчка из Мандельштама: „И своею кровью склеит // Двух столетий позвонки...“».

* * *

В 2006 году посетившая Баяру М. О. Чудакова задала ей вопрос, когда же она начнёт писать свои мемуары, и была удивлена ответом: «Ещё не время». Ответ заставил обеих подумать о такой непростой категории, как время. Баяра ограничена в движении, в 2006 году ей исполнилось 90 лет. И может быть, ей вспомнилась любимая фраза учителя, Романа Якобсона: «Терпеть не могу сидеть и писать воспоминания, мои мысли заняты не прошлым, а будущим, хотя его и немного осталось...». Она сказала «ещё не время», но ответ стал сигналом и обозначил время. Вскоре Баяра начинает диктовать воспоминания своей помощнице Алле (второй десяток лет вместе), без которой, по её словам, «страницы „Недавно прошедшего“ остались бы непроявленными».

Книга вышла к 97-летию автора. В приложении к ней была опубликована и самая первая работа Баяры «„Давно прошедшее“ Маяковского». Речь в ней — о коротком рассказе Маяковского, опубликованном 20 ноября 1914 года в газете «Новь», подписанном псевдонимом «-ъ». Благодаря В. Треневу и Н. Харджиеву эта «забытая вещь Маяковского» была включена в два издания 1935 и 1939 годов. Однако при подготовке следующего издания мнения об авторстве Маяковского разошлись, и «Давно прошедшее» в него не вошло. Целью работы молодого лингвиста Баяры Арутюновой стало доказательство авторства Маяковского и подтверждение выводов текстологического анализа В. Тренева и Н. Харджиева.

Если бы московское издательство отвергло первую работу Б. Арутюновой в качестве приложения к книге воспоминаний, то она имела бы это заглавие — «Давно прошедшее». Но возражений не было. И конеч-

М. М. Карпович. Кембридж, Массачусетс.
Около 1949 г.

но, «Давно прошедшее» осталось за Маяковским, а Баярино стало — «Недавно прошедшее». Такая вот переключка названия воспоминаний с первой её лингвистической работой, ставшей символом новой свободной жизни.

Осенью 2016 года Баяре исполнится ровно 100 лет, и этот день рождения, надеемся, будет ознаменован изданием переработанного и значительно дополненного русского перевода её книги «Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты». Жизнь заканчивается лишь тогда, когда человеком на земле сделано всё, но у Баяры есть и другие проекты. Баяра так итожит прожитое: «...мы жили в XX веке, и его бурные события — войны, революции, репрессии — глубоко отпечатались на нас. Всё, что давалось естественно людям предыдущего столетия — дружбы,

профессиональные связи — в наше время было разрушено. Нам пришлось разыскивать родных и заново искать друзей, учителей, коллег, единомышленников... Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что она была наполнена до краёв. В ней было много горя: самые дорогие мне люди были уничтожены, и даже могил их не существует. Но было и счастье от профессиональной (научной и педагогической) деятельности. Было также много радости от общения с замечательными современниками — учёными, музыкантами, художниками, артистами. Я бывала и подолгу жила в красивейших городах мира: Риме, Венеции, Париже, Лондоне... Мне исключительно повезло, что я почти не расставалась с мамой, и она была со мной на закате своей трудной жизни. Наконец, не обошло меня и простое человеческое счастье... Одной из главных радостей моей жизни было и остаётся общение с друзьями, многочисленными и очень разными. Каждый из них оставил след в моём сердце».